

ДИАЛОГ

психологический и социально-педагогический журнал

2013

№ 12

К 80-летию Якова Львовича Коломинского

Специальный выпуск

Л. А. Пергаменщик
О. Я. Коломинская
Е. И. Комкова
Е. А. Панько
А. А. Амельков
В. П. Зинченко
А. А. Полонников

Издательство «Пачатковая школа» много лет плодотворно сотрудничает с доктором психологических наук, профессором Яковом Львовичем Коломинским. Поздравляем нашего уважаемого автора с юбилеем, желаем доброго здоровья, счастливого общения с учениками и соратниками!

Издание новой книги юбиляра «Педагог среди детей. Психология педагогического взаимодействия» — наш подарок Я. Л. Коломинскому к 80-летию. Рассказывать о книге трудно — лучше ее прочитать. А в качестве путеводителя предлагаем предисловие к изданию, написанное Александром ПОЛОННИКОВЫМ.

Поэтическая психология Коломинского

Вступительную статью мне очень не хотелось начинать теми словами, которые известны всем и которыми обычно пишут биографические энциклопедические справки. В формальных выражениях, часто верных букве, но не духу, может исчезнуть главное, определяющее эту книгу, — особая жизненность и оптимизм, ненасытный интерес и любовь к людям, а главное — к детям. Словом, все то, что выделяет ее автора — Якова Львовича Коломинского — из когорты ученых его круга, и то, что, как мне кажется, хотя бы отчасти объясняет загадку притягательности его личности.

Эта притягательность странного свойства. Она двойственна. С одной стороны, в ней присутствует мощная, связывающая с Яковом Львовичем центроостремительная тенденция, которую наблюдатели склонны объяснять простым человеческим обаянием. С другой — всякий человек, попадающий в поле тяготения его личности, неминуемо заражается характерным для Якова Львовича восхищением перед жизнью, центробежным стремлением делиться этим восхищением со всеми знакомыми и незнакомыми людьми, одухотворять окружающие вещи и бестелесные идеи.

Мне кажется, что подобного рода качеством наделены (Богом, Случаем, Судьбой) прежде всего педагоги, для которых их работа не профессия, а призвание. Этим людей мы интуитивно выделяем среди прочих, к ним тянемся, а встреча с ними расцениваем как событие, изменившее наш жизненный порядок. Иногда такого рода качество (или набор качеств?) называют мистическим именем «харизма». И она, как, наверное, уже заметил искушенный в гуманитаристике читатель, в высшей степени присуща людям публичным: политикам, актерам, священникам, но прежде всего — поэтам.

не отражает жизни, а создает при помощи художественных средств свой особый, отстоящий от повседневности мир. Поэтический мир, разумеется, связан с последним, однако не непосредственно. Это связь не соответствия, а преобразования. Привычные, а оттого часто незамечаемые вещи в поэтическом изображении приобретают неповторимость и внутренний свет, но главное (!) — обнаруживают свою артефактическую природу. Месседж Коломинского в случае литературно-художественного моделирования таков: «Вещи сделаны человеком, психология — продукт человеческого усилия, мысли и действия». Эта установка, именно установка, предшествующая знанию, и должна передаваться преподавателем студенту. Делаемость психологических феноменов вследствие поэтической аберрации становится фигурой повествования. Почти как у Виктора Шкловского: «...искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве не важно»³.

Именно это обстоятельство оказывается решающим фактором практической освященной искусством психологии. Эта пракτικότητα преодолевает дистанцию между изобретением и применением, между теорией и практикой, поскольку использование поэтической метафоры само по себе и есть применение. Слово и дело здесь неразрывны. Дискуссия о том, что первично — слово или дело, теряет в случае литературно-художественного моделирования смысл.

Но это изменяет и смысл присутствия преподавателя в аудитории. Сообщение информации превращается из основной задачи в факультативную. Задача педагога

теперь сродни проповеднической миссии. Он не только приобщает студента к Учению, но и делает это особым, сотворческим образом. Студент получает возможность действовать на психологическом поприще, обладая необходимыми для этого предпосылками психологического видения, понимания и суждения. В этом и состоит, как я думаю, главная задача обучения психологии по Коломинскому.

Но этим актом он одновременно оплодотворяет и той программе развития психологии, которая ориентируется на образ естественных наук (Sciences) как на свой идеал. Манящая Коломинского перспектива — Humanities and Arts (гуманитарные науки и искусства), адресующая себя «к современной концепции arts как области человеческого поведения, основанной скорее на вдохновении и воображении, нежели на системе и методе»⁴.

Мы не случайно остановились в настоящей вступительной статье на анализе изобретения Якова Львовича — литературно-художественном моделировании. В предвараемой статье книге этот прием превращен в базовый метод. Его действие обнаруживает себя и в первой части книги — «Записках воспитателя», исполненной в лучших традициях художественной прозы, и во второй — «Факультете психологической культуры», проникнутой поэтическим восприятием психологических отношений, и, наконец, в третьей — «Жизни как познании психологии», в которой Яков Львович в интервью журналу «Печатковая школа» выступает в мифотворческой функции, создавая «миф Коломинского». Миф в этом случае мы трактуем по А. Ф. Лосеву⁵, видя в нем продукт

³ Шкловский, В. Б. Искусство как прием / В. Б. Шкловский [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <http://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html>. — Дата доступа: 01.09.2013.

⁴ Гумбрехт, Х.-У. Ледяные объятия «научности», или Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» / Х.-У. Гумбрехт // НЛО. — 2006. — № 81 [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/>. — Дата доступа: 11.04.2010.

⁵ «...если брать реальную науку, т. е. науку, реально творимую живыми людьми в определенную историческую эпоху, то наука решительно всегда не только сопровождается мифологией, но и реально питается ею, черпая из нее свои исходные интуиции» (Лосев, А. Ф. Дialeктика мифа / А. Ф. Лосев. — М.: Мысль, 2001. — С. 33).

первичной рационализации, вписанный как в теоретическую рефлексию, так и в логику поступка. Миф Коломинского в этой связи — это продвигаемое текстуальными средствами (в данном случае — интервью) повествование о Прометее, несущем искру гуманитарной психологии в окружающий социум и культуру. Привлекательность такого рода образа, освященного веками, для круга психологических неофитов вряд ли нуждается в пояснении. Как метод и как прием литературно-художественное моделирование здесь проявляется в модернизации античного содержания, включении его в контекст современных профессиональных самоопределений и практик. Реализуясь на неосознаваемом уровне восприятия, он находит опору в культурных матрицах и процессах, сформированных первичной социализацией читателя. В результате герою интервью журнала «Пачатковая школа» очень хочется подражать. Не исключено, что практика мимезиса — ключевая для третьей, заключительной части представляемой книги.

Вступительная ее часть — «Записки воспитателя» — являет собой яркий опыт психолого-педагогической рефлексии практика, оказавшегося в ситуации, которую Януш Корчак описывал в терминах принципиальной атеоретичности. Воспитатель, писал он, поступает не как предписывают ему научно-педагогические трактаты, а так, как этого требует момент, а главное, так, как может⁶. Яков Львович часто замечает в «Записках воспитателя», что выбору, а также конкретному поступку его не учили в вузе. Его герой обнаруживает себя в ситуации перманентной эвристики, состоящей то в сооружении косичек шефами-старшеклассниками, то в спонтанной психотерапии — «заговаривании зубов» страдающему от зубной боли малышу. Эти, казалось бы, мелкие эпизоды из жизни детского интерната превращаются в сво-

его рода «кейс-стади»⁷, поучительные не только для родителей, но и для будущих педагогов, обретающих способность оперативного практического мышления.

Следующий раздел — «Факультет психологической культуры» — при первом прочтении производит впечатление смены жанра: перехода от живого описания воспитательных отношений к рефлексивным заключениям. Более внимательный взгляд, однако, обнаруживает смысловую преемственность второго и первого разделов. Она обеспечивается, во-первых, обратной контекстуализацией (проекцией второй части на первую), проясняющей логику «Записок воспитателя», а во-вторых, тематизацией «психологической культуры», с которой Я. Л. Коломинский связывает успех психолого-педагогической деятельности. И если первая часть в большей степени ориентирована на работу со впечатлением, то вторая делает акцент на переработке и осмыслении опыта, возникшего у читателя в ходе чтения первого раздела.

Этой цели, в частности, подчинено стилевое решение второй части. Оно композиционно диалогично, интерактивно, выполнено в манере, напоминающей скорее дружескую беседу и соразмышление, чем поучение. Автору важно знать, как будет воспринято сказанное им слово. Вопросы, пожелания, проблемы и предложения, с просьбой о которых обращается к своим читателям Яков Львович, являют собой не дань моде демократического повествования, а сущностную характеристику открытого текста. Текста, который никогда не завершен и который вместе создают автор и читатель.

Обращение к теме «психологической культуры» связано не только с актуальным научным интересом профессора Коломинского. Хотя по собственному опыту знаю, что со студентами, читателями, какова бы ни была тема разговора, всегда говоришь

⁶ Корчак, Я. Теория и практика / Я. Корчак // Как любить ребенка. — М. : Педагогика, 1990. — С. 268—271.

⁷ Кейс-стади (case study) — анализ случая.

Путеводитель в мире литературы

о том, что у тебя в настоящее время «болит». Иногда это проявляется не прямо, а косвенно, например в мотиве беседы, в том, ради чего вступаешь в разговор. По прочтении второго раздела понимаешь, что «психологическая культура» — не просто интересная тема или безразличный к последующему повествованию повод, а концептуальный ход, вбирающий в себя новый социокультурный и педагогический проект Якова Львовича Коломинского.

Таких проектов в его научной биографии, на мой взгляд, было не много, хотя, для того чтобы состояться в качестве ученого, достаточно и одного. Первый появился в годы «оттепели» и был связан с утверждением ценности общения, микро-социального мира, который Коломинский противопоставил социальной инженерии, дирижирующей странами и народами. При своем рождении этот проект получил имя «Психология взаимоотношений в малых группах», и по нему историки отечественной психологии долгое время опознавали Якова Львовича в качестве социального психолога. Вскользь замечу, что заниматься социальной психологией в те далекие 60-е годы решались немногие. Второй, соотносимый с концом 70-х годов прошлого века проект помещал в центр общественного внимания личность, богатство ее внутреннего мира. Этот мир, хотя и был обусловлен межсубъектным взаимодействием, но в итоге к нему несводим. В эти годы появляются такие значимые в рассматриваемом отношении книги, как «Социальная психология личности». В интерпретациях Якова Львовича человек перестает быть подструктурой больших социальных систем, выступая и как паритетный им мир отдельной личности, и как мир, включающий в себя целую Вселенную. В своих работах и публичных выступлениях этого времени Яков Львович часто цитирует Евгения Евтушенко:

*...И если умирает человек,
с ним умирает первый его снег,
и первый поцелуй, и первый бой...
Все это забирает он с собой...*

И вот, наконец, третий актуальный проект — «психологическая культура личности». Весть о нем донесли до нас «Психология педагогического взаимодействия», «Социальная педагогическая психология», многочисленные статьи и выступления. Вскоре стало понятно, что во внутреннем мире человека ученый выделил некое сущностное образование, структурное отношение, предназначенное обеспечить универсальную ориентацию и поведение индивида в быстро изменяющейся и во многом непредсказуемой жизни. Согласно становящемуся воззрению, точку опоры в самоорганизации человек должен находить в самом себе, что требует не только сменны инстанции ответственности (внешних упований на внутренние), но и вызывает к жизни необходимость в специальной психологической образованности. Психологическая готовность к самоорганизации, самореабилитации и самообучению, если я верно понял послание ученого, и составляет ядро психологической культуры личности. Изложению основных положений концепции «психологической культуры личности» посвящена вторая часть представляемой книги.

В целом же и «Записки воспитателя», и «Факультет психологической культуры», и «Жизнь как познание психологии» составляют определенное содержательное целое, своего рода «семейное сходство», объединяемое не только общими правилами, но и замыслом нового гуманитарного проекта, я бы рискнул назвать его «антропоцентристским проектом», который инициировал и активно продвигает в жизнь Яков Львович Коломинский.

К сказанному мне остается добавить, что в данном исполнении книга может быть интересна не только юношам, «обдумывающим... сделать бы жизнь с кого», но и специалистам широкого гуманитарного профиля: профессиональным психологам, социальным работникам, педагогическим журналистам, а также всем тем, у кого растут собственные дети или у кого они вскоре появятся.